

ЛИДИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

# ГОЛУБАЯ СИНИЦА





ЛИДИЯ ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

# ГОЛУБАЯ СИНИЦА

Новеллы, стихи, сказки,  
загадки

Челябиск  
Южно-Уральское  
книжное издательство  
1983

ББК84Р7  
П72

РЕЦЕНЗЕНТ — ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР  
С. БАРУЗДИН

П72 **Преображенская Л. А.**  
Голубая синица: Новеллы, стихи, сказки, загадки.— Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 144 с., ил.  
35 к. 30 000 экз.

Новый сборник стихов, сказок и новелл широко представляет творчество старейшей детской писательницы Южного Урала Лидии Александровны Преображенской.

Издается к 75-летию со дня рождения автора.

П 70803—018 52—83  
М162(03)—83

ББК84Р7  
Р2

© Южно-Уральское книжное издательство, 1983 г.

## „Золотые крупинки мысли и слова...“

Впервые имя Лидии Александровны Преображенской я услышал еще в годы войны, на фронте от своих друзей-уральцев.

Я рассказывал им о довоенных встречах с С. Михалковым и А. Барто, а они мне в ответ:

— А у нас в Челябинске тоже есть талантливый детский поэт — Преображенская Лидия Александровна.

А познакомился я с Лидией Александровной только в середине пятидесятых годов в Челябинске. Там проходил семинар детских писателей. Мы с моим другом С. П. Алексеевым, ныне известным писателем, лауреатом Государственной премии РСФСР и премии Ленинского комсомола, главным редактором журнала «Детская литература», принимали участие в этом семинаре.

Несколько позже мы с С. П. Алексеевым писали: «...значительно своеобразнее работает в жанре поэзии для детей челябинская поэтесса Лидия Преображенская, автор стихотворных книг «Не боимся мы зимы», «Наша дорога» и «Палочки-считалочки».

Л. Преображенская хорошо умеет разговаривать с малышами языком поэтических образов.

Вот, к примеру, начальные строчки из ее стихотворения «Дятел»:

Дятел Красный Колпачок  
Опустился на сучок.  
Как по лесенке высокой,  
По стволу прошелся боком...

В этих незамысловатых, на первый взгляд, строчках перед нами ясно вырисовывается поэтический и притом весьма конкретный образ необычной для маленького ребенка живой птицы.

А вот небольшое стихотворение Л. Преображенской «Зайчик» написано в лучших традициях русской народной поэзии. Есть у поэтессы и многие другие очень хорошие стихи.

Добрые слова мы сказали тогда о прозаической книге Л. Преображенской «Две сестрички» и отметили в ней очень

удачные рассказы «Как ребята Осень искали», «Тараторочка», «Самый красивый» и «Две сестрички».

Следующая книга Л. А. Преображенской, которая попала мне на глаза («Стихи, сказки, загадки». Южно-Уральское книжное издательство, 1968), была, пожалуй, куда более зрелой по сравнению со всеми предыдущими. Помню, как на всю жизнь я запомнил скупые и трогательные строки стихотворения «Осени приметы» из этой книги, вобравшей в себя все лучшее из написанного поэтессой. В отборе чувствовалась строгая рука автора.

В 1977 году в Москве в издательстве «Малыш» вышла книга Л. Преображенской «Пусть заблудится ветрище», в которую вошли лучшие стихи поэта о родной природе.

И еще мне вспоминается веселая и забавная книга Л. Преображенской «Тяп-Ляп» (Южно-Уральское книжное издательство, 1978).

И еще никак нельзя не сказать о трех книгах, к которым Лидия Александровна имеет прямое отношение и как составитель, и как организатор. Я говорю о книгах «Искры золотые пионерского костра» (1962 г.), «Золотинки» (1968 г.) и «Алые поля» (1973 г.).

Вот уже многие-многие годы Лидия Александровна успешно руководит литературно-творческим объединением «Алые паруса» при Челябинском Дворце пионеров и школьников имени Н. К. Крупской.

Это хлопотная и благородная работа, высокую цену которой я знаю по себе: сам занимался до войны в литературной студии Московского городского Дома пионеров.

Конечно, каждый настоящий писатель в душе педагог. Но Лидия Александровна Преображенская — педагог по призванию. Недаром учительству она отдала свои молодые годы.

К слову, этот талант педагога мы видим и в тонкой, умной книге Л. Преображенской «Развитие литературных способностей детей», которая пользуется популярностью у профессиональных педагогов и родителей.

Талант поэта и талант воспитателя, право, что может быть лучше!

**Сергей Баруздин**

СКАЗКИ  
МОЕГО  
ДЕТСТВА



## Сапожок на карте

Как, откуда и почему попала ко мне в руки эта чудная карта — не знаю. Не было на ней золотистых горных хребтов, темно-зеленых лесных массивов, голубых озерных глаз и извивающихся рек. Ничего этого не было. Но все же это была карта.

— Смотри внимательно, вот и узнаешь, чем жители той или иной местности занимаются, — сказали мне. — Видишь, корова нарисована, значит, тут скотоводы живут. А вон там домна дымит — люди из руды металл плавят.

Я склонялась над картой, с интересом рассматривала и крошечную коровку, и домну, и лошаденку с бороной, за которой шагал мужичок в лаптях.

А где же мой родной Кунгур, наш маленький уральский городок?.. Вот и он. Кружком обозначен на карте. А рядом — сапожок, обыкновенный сапожок нарисован...

Город сапожников. Тихие узкие улочки, заросшие мягкой прохладной травой, по которой так приятно бродить босиком. Колокольный звон и солнце. На реке смолистые плоты. И в каждом доме знакомый с рождения запах кожи, вара и сапожного лака. Даже сейчас, спустя семь десятков лет, за сотни километров от Кунгура, мне кажется, я ощущаю эти запахи. Они жили повсюду: и в нашем домике, и в доме деда, и в домах соседей.

Славился Кунгур своими кожами, крепкой, добротной, красивой обувью да замечательными мастерами. Сидели мастера в своих подслеповатых до-



мишках, днем и ночью стучали молоточками, забивая гвоздики-«шпильки» в подошву. Подкручивали фитили керосиновых ламп, слепли понемногу. Утром тащили то, что успели сделать за ночь, хозяину, сдавали за гроши.

Давно уже нет хозяев-фабрикантов. Огромный кожевенно-обувной комбинат раскинул здесь свои цехи. Светлые, чистые, просторные. Бегут конвейеры, спешат выдать на-гора туфельки, ботинки, сапоги. А тут же, в городе, высится машиностроительный завод. Его продукция — машины для бурения — хорошо известна не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Вот тебе и город сапожников!

В руке у меня два значка. Их мне подарили мои юные читатели-земляки, мои друзья. Жарко золотится один, и на нем вырисовывается малиновый контур туфли. А рядом лазурью светится значок машиностроительного завода с ажурной буровой вышкой. Новый город. Новый Кунгур!..

## Добрая волшебница

Говорят, я была такая маленькая, что могла стоять обеими ногами в одной маминной галоше. Да, да, говорят, было такое: стояла не раз и усердно разрисовывала табуретку обгорелыми спичками да угольками из печки. Что уж там могла я рисовать в таком возрасте — не знаю, только будто бабушка моя ходила вокруг, ахала и восхищалась. А однажды усадила на стул и положила передо мной лист бумаги и настоящий карандаш, которым — вот чудо! — можно было рисовать. И я рисовала упоенно, самозабвенно.

А еще позднее бабушка подарила мне коробку цветных карандашей. Шесть цветов. Что хочешь — рисуй: домик с красной крышей, рядом зеленую елочку и огромные синие и желтые цветы. Или девочку в красном платье, с красным бантом на голове и в красных башмачках. Ах, каким это было праздником для меня! И бабушка казалась мне не просто бабушкой, а доброй волшебницей.

Помню, увидела я где-то на картинке ангела, играющего на арфе, и захотелось мне иметь такой чудесный инструмент. Арфу, конечно, бабушка не могла мне купить, но подобие ее все же сделала: на стене укрепила гвоздиками гитарные струны — играй, внучка, пожалуйста!

А то вот еще: поправились мне рассказы и картинки про индейцев. Вигвамы, стрелы, лук, головные уборы из перьев. Захотелось играть в индейцев. И бабушка тут как тут. «Вон,—говорит,— сколько пера куры нароняли во дворе. А в огороде трава высокая. Прятаться можно. Шалаш из сучьев сделаем. Чем не вигвам? Живи в нем хоть целое лето».

И шалаш помогла сделать, и головной убор. И лук натянула. И «жила» я там, охотилась за воробышками да кузнечиками. Пряталась в траве, переползала из одного конца огорода в другой, как заправский какой-нибудь Ястребиный Коготь или Змеиный Глаз, стреляла из лука в воображаемого врага. До пояса голая ходила, загорала под летним уральским солнышком.

На зависть подружкам была у меня кукла с закрывающимися глазами. Льняные локоны. Пленительная нежно-розовая фарфоровая головка. Это тоже подарок бабушки. Я и сейчас помню эту куклу. Сидела она на комодке и смотрела на меня голубыми сияющими глазами в мохнатых ресницах.

Как мне хотелось подержать ее в руках, побаюкать, спеть песенку!

Вот и полезла я на стул, дотянулась до нее, хотела спуститься и уронила. Фарфоровые брызги рассыпались по полу. Голубые глаза закатились куда-то, и не найдешь...

Какое это горе было для меня. Говорят, не на шутку заболела с такого потрясения, в постель слегла. А бабушки дома не было, в соседний город уезжала. Мама письмо ей написала, обо всем рассказывала. Открываю глаза однажды и вижу рядом бабушку, а в руках у нее куклу. Тоже красивая и тоже голубыми глазами помаргивает, будто играть приглашает, не болеть уговаривает.

С того часу здоровье мое пошло на поправку.

Соседки частенько ей выговаривали:

— И что ты, Ивановна, внучку так балуешь? Обновки часто шьешь, книжки то и дело покупаешь...

Бабушка смотрела на них и строго возражала:

— А кому какое до этого дело? Шью сама. И насчет книжек вы мне не указ. Что, ей такой же темной, как я, на всю жизнь оставаться? От книг вреда не будет...

Я прижимала к груди «Сказки» Пушкина, испуганно смотрела на соседок, боялась, что они отнимут от меня эту чудесную красочную книгу. Потом успокаивалась: разве даст меня в обиду бабушка?

Через минуту я забывала ворчливых соседок. Билибинские иллюстрации чаровали, радовали, вводили в мир сказки. Вот князь Гвидон на берегу моря-окияна... Из пены волн выходит царевна Лебедь... Баба Бабариха чем-то напоминает мне одну

из соседок... А все эти узоры, виньетки, обрамляющие каждую страницу, позолоченные буквицы. Как они радовали меня, манили взять в руки карандаш, попробовать нарисовать такое же, будили детскую фантазию.

А еще помню... Чуть брезжит рассвет. Надо мной склоняется бабушка:

— Ну как, пойдем по ягоды? Или спать будешь?

Сон мгновенно отлетает. Поспешно натягиваю платьишко. У крыльца качается чугунный умывальник. Несколько всплесков воды — и я готова.

Серая, в предрассветных сумерках дорога уводит к лесу.

Зябко на рассвете. Поеживаюсь от утренней свежести. И добрые бабушкины руки накидывают мне на плечи «гуньку» — старенькую одежонку.

Шорохи в листве. Первый птичий свист. Первый солнечный луч. Как все это ярко до сих пор живет в моей памяти.

— Смотри, Лидушка, солнышко всходит. Видишь, как все оживает, просыпается, каждая травинка к солнцу тянется, радуется...

— Ой, змея! — вскрикиваю я, пугливо делая шаг назад.

Но бабушка смеется:

— Глупенькая, не змея это, уж. Видишь на головке у него два желтых пятнышка, как два лепесточка. У змеи таких нет. Ужа бояться не надо — он безобидный. И даже, наоборот, полезный, мышей ловит. Пусть ползет к своим деткам. Здесь близко болото есть, там у него и дом, наверное. А вот смотри-ка, смотри, и ягодка первая показалась. Ну-ка приглядывайся да пониже, пониже наклоняйся. И траву раздвигай. Земляничка любит, чтобы ей низко кланялись.

И я раздвигаю, «клапняюсь». Как сказочные фонарики, горят в траве ягоды. Наполняется кружка, потом маленькая плетеная корзиночка. Руки пахнут земляникой, солнечной, жаркой...

А потом привал под березой, опустившей зеленые косы до самой земли. Как вкусны яйца, сваренные вкрутую, молодая картошка или горстка земляники с кружкой родниковой студеной воды. Или даже просто краюшка черного хлеба с солью.

Иной раз все это кажется забытым сном, сказкой... Душистая лесная прохлада. Любопытная синичка-трясогузка. Ощущение счастья. Все это живет где-то в далеких уголках памяти, сердца.

Вот почему я и сейчас, спустя почти семьдесят лет, могу остановиться на главной улице нашего города возле красавицы-березы, залюбоваться ею или заслушаться веселого голоса синицы. Мне кажется, этого не было бы, если бы не она, моя бабушка, моя добрая волшебница...

Давно уже нет бабушки. Но я помню ее, строгую и ласковую. Помню ее советы. Сама всегда деятельная, не любящая сидеть сложа руки, она не терпела лени, небрежности, расхлябанности. Не раз попадало мне от нее, если что-либо сделала плохо, в спешке. «Поспешешь — людей насмешешь, — ворчала она. — Куда торопилась? Тяп-Ляп помогал, что ли? Эко наробила!»

Поэтому, должно быть, вспоминая бабушку, я задумала написать сказку «Тяп-Ляп».

С 1964 года живет мой «Тяп-Ляп», сказочный, вредный, «поперешный», как говорила бабушка, человечек, помогает ребятам излечиться от лени да небрежности. Спасибо и за это тебе, моя добрая волшебница!

## Жароптицево перо

В калитку кто-то стучит. Я бегу на стук, но с засовом мне не справиться. Выходит бабушка и отодвигает тяжелый засов.

— А, это ты, Прокопий! На покос собрался, что ли?

— Сено надо поворошить, да и подкосить еще не мешает. Может, Лидушку со мной отпустите? Что ей дома сидеть? В лесу здоровья наберет, а то вон каким заморышем растет. Поедешь, Лидуха? — спрашивает он, усмешливо глядя на меня. — Мы там с тобой картошки напечем, вкусно-то как...

Я с надеждой смотрю на бабушку. И она согласно кивает:

— Поезжайте. Хорошо в лесу!..

Мягко постукивают колеса. Дорога уводит к солнечным полянам, к тенистым перелескам.

— Ну, мухортая, пошевеливайся! — приговаривает дедушка Прокопий, помахивая вожжами.

И «мухортая» трусит, ответно помахивая хвостом, иногда вскидывает голову и фыркает.

Мне весело. Хочется петь и смеяться.

Дедушка Прокопий — бабушкин брат, но почему-то совсем не похож на нее. Бабушка красивая, черноволосая. Нос с горбинкой. И осанка у нее горделивая. А брат — простенький рыжий мужичок, добрый и улыбчивый.

— Тпру! Приехали! — говорит дедушка и спрыгивает с телеги. — Смотри, смотри, Лидуха, клубничка тебя дожидается. Целая поляна. Собирай скорей, пока я не выкосил...

Медвяные запахи кружат голову... Руки уже пропахли ягодным соком. Я лежу на прогретой солнцем траве и смотрю в небо. Легкие облака плывут надо мной, превращаются то в замки, то в красавиц-дам, то в витязей, которых я видела на картинках в книгах. Ползут сказочными драконами. Плывут белоснежными лебедями. Крадутся хищными зверями... Как хорошо! До меня доносится то звон литовки, то шарканье бруска о лезвие, то далекое пофыркивание лошаденки...

А вечером — новая радость: дедушка разжигает костер. Занятно подбрасывать сухие ветки, смотреть, как бегут по ним красные змейки пламени, то замирают, гаснут, то вновь оживают, извиваются, шипят, то рассыпаются золотыми искрами...

Печеная картошка, только что вынутая из золы, обжигает руки. Мне кажется, нет ничего вкуснее на свете этой рассыпчатой картошки, ее похрустывающей румяной корочки... А чай! Особенный чай! Он пахнет мятой и дымком костра.

Когда же наступает ночь, так хорошо лежать в шалаше на мягкой душистой траве. Лежать и смотреть на черное звездное небо, на вспышки костра, на рыжую лошадку, медленно и сонно жующую овес.

Тепло под стареньким дедушкиным тулупом. Незаметно подкрадывается сон. И я уже не могу понять, где тут явь, а где сказка... Пофыркивает мухортая дедушкина лошадка, а мне кажется, что рядом Конек-Горбунок... Дедушка подбрасывает в костер хворосту. Веером сверкающих искр рассыпается пламя... А может, это Иванушка выхватил из мешка перо Жар-птицы? Вот и горит оно, жарко сияет на весь мир чудесное жароптицево перо...

## Серебряные рыбки

Сылва, река моего детства, ты всегда была доброй ко мне. Я никогда не видела тебя гневной, потемневшей от злобы. Ты даже однажды вынесла меня на берег на своих волнах, когда я, не умеющая плавать, случайно скользнула с погрузившегося в воду бревна.

Добрая, ласковая, светлая — такой ты помнишься мне. Вот почему я не хотела верить, когда в 1979 году узнала о том, как разбушевала ты по весне, каких бед натворила в городе, скольких семей оставила без крова.

Тем же летом я побывала в Кунгуре, постояла на твоём берегу, а ты, вновь тихая и покорная, лежала у ног города. Я смотрела на твои бархатные берега, на купающихся ребятишек и вспоминала, вспоминала...

Прорывная улица, на которой стоял наш домишко, была совсем маленькая. Выйдешь из калитки, повернешь направо — к пруду подойдешь. А за ним высокая гора шумит веселым березничком. Если же налево пойдешь, тут и до Сылвы близко. Разлеглась она в зеленых берегах, качает смолистые плоты, золотые от солнца.

До чего же хорошо было лежать на этих плотах! Река качала их, будто баюкала, шептала что-то тихо и ласково. В просветах между плотами, как в окнах, было видно речное дно. Плыли и не уплывали нежно-изумрудные, пронизанные солнцем водоросли.

Стайки серебристых рыбок метались испуганно при каждом подозрительном для них движении, то исчезали среди водорослей, то появлялись вновь,



подобно сверкнувшим молниям. Как хотелось мне тогда, чтобы выплыла золотая рыбка, которая выполняла вздорные старухины прихоти. Не знаю сейчас, не помню, были ли у меня какие-то особые, тайные желанья, но увидеть «владычицу морскую» было моей мечтой.

Теперь, когда я вижу аквариум, где важно распускают свои вуалевые хвосты красавицы-рыбки, прячутся в ракушечные гроты, в заросли пышных водорослей, мне всегда вспоминается детство, ласковая Сылва, плоты и серебряные рыбки-мальки...

## Мое лебединое озеро

Однажды бабушка собрала мои рисунки, взяла меня за руку и повела в художественную школу, которая только что открылась в нашем городе.

О первых своих впечатлениях не могу ничего рассказать: слишком мала я была. Знаю только, что охотно бежала туда, подолгу смотрела, как рисуют старшие ребята. И сама фантазировала, рисовала. От тех времен сохранились у меня неведомые фантастические дамы из случайных линий да длинноногий принц, о котором даже в газете с похвалой отзывался какой-то знаток искусств.

Строгим был художник Герман Александрович Мелентьев. Зато Анатолий Владимирович Скрипов оказался большим фантазером, страстно увлекающейся натурой. По его инициативе, я думаю, к нам приезжали отличные чтецы, артисты балета, певцы. Здесь впервые я увидела танец умирающего лебедя...

А сколько постановок своими силами он зате-